

Возвратность и акциональность – соотношение двух признаков в русском глаголе¹

1. Научная гипотеза и рабочие понятия.

В работе рассматривается взаимодействие категории залога с категориями лица и времени, а также вида, исследуется грамматический механизм возвратности, посредством которого происходит усложнение субъектной перспективы высказывания.

При интерпретации возвратного глагола как синтаксемы обусловленной предполагается выход за пределы актантного набора глагола, включение в сферу внимания говорящей личности, учет синтаксического окружения в широком смысле и, следовательно, установление отношений между субъектной сферой *Я* говорящего (модусной) и диктальными субъектными сферами (участников данного положения дел).

Категория залога в настоящей работе понимается как **семантико-синтаксическая категория**, которая соединяет актантные роли внутри пропозиции и субъектные роли в модусной рамке.

Наблюдения над текстовым материалом показывают, что категория залога, реализуемая возвратностью, позволяет **приближать или отодвигать диктальное содержание от Я говорящего**, обслуживает модусную составляющую высказывания², что реализуется в усложненной субъектной перспективе. Тем самым залог проявляет себя как **модусная категория**.

Текстово-объяснительный подход позволит, не сужая объекта (рассматривается вся совокупность возвратных глаголов), расширить

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

² Ср. у Т.В. Шмелевой: «Деепричастие на службе у модуса» [Шмелева 1984].

изучаемый контекст – от пары форм/ лексем и пары предложений до текстового фрагмента и жанрово-стилистической обусловленности текста.

Востребованность возвратных форм в специфических функциональных стилях речи, таких, как официально-деловая (*курить воспрещается, производится набор..., сумма облагается налогом*) и разговорная (*Где у вас можно повеситься (=повесить одежду)? Кофта кусается, Орех разгрызся*) сферы, заставляет задуматься о функциональной предназначенности категории залога и, вместе с этим, о способности возвратных форм маркировать позицию говорящего, т.е. об обусловленности категории залога «человеческим фактором». Официальная и научная сферы, с одной стороны, и разговорная, с другой, занимают крайние точки на шкале стилей речи и обусловлены позицией говорящего – максимальной удаленностью *Я* говорящего от вещественного содержания высказывания в официальном стиле (что и создает нейтральность, объективный характер), максимальной приближенностью к вещественному содержанию к *Я* в разговорном (чем выражается личная заинтересованность говорящего).

Использование модели субъектной перспективы в соединении с понятием коммуникативного регистра даст возможность проследить текстовые тактики и эффекты, получаемые с помощью возвратных глаголов в деловом, мемуарном, художественном тексте.

Гипотеза, обосновываемая в этой работе, состоит в том, что **залог в сфере спрягаемого глагола отражает отношение субъекта речи к субъекту и объекту действия и действию**. Это значит, что семантика диатезы, маркированной возвратным глаголом, становится открытой для взаимодействия с субъектом сознания и речи: закрывая одну из валентностей для внутрисобытийных субъектов, *-ся* открывает эту валентность для субъекта модусного.

Метод исследования, предлагаемый в данной работе, заключается в том, что традиционно выделяемые значения возвратности соотносятся с

субъектами модуса и диктума, тем самым выстраивается субъектная перспектива предложения.

Модус		М/Д	Диктум		
S5	S4 Говорящий	S3	S2	S1 Субъект действия	S0 Объект действия

В модель субъектной перспективы высказывания и текста, таким образом, вводится (наряду с личными субъектами, организующими «факт сообщения» (модусные субъекты) и «сообщаемый факт» (диктальные субъекты)), и объект действия – личный или неличный – переходного глагола. Объект действия получает интерпретацию как еще одна субъектная сфера, референт которой является субъектом бытия, выступает объектом исходного предложения и может получать предикацию в производном предложении. Нас будут интересовать разные варианты отношений между субъектными сферами говорящего, адресата речи (читателя или слушателя), субъекта действия и объекта действия.

В связи с необходимостью «уравнять» статус объекта с субъектами в составе субъектной перспективы он получает название субъекта, но не в значении агенса, а в значении субъекта предложения (возможного подлежащего). Это заставляет по-новому использовать термин «полисубъектность» и однокоренные ему (например, «полисубъектный») в настоящей работе. Полисубъектный может относиться к предложениям с возвратным предикатом, в которых обнаруживаются субъектные сферы субъекта и объекта действия (а не только к предложениям с несколькими предикатируемыми субъектами, ср.: *Неизвестно куда после ухода личностей задевалась малахитовая пепельница с подзеркальника в передней – Булгаков*).

Модусная составляющая интерпретируется в терминах **инклюзивность/ эксклюзивность субъекта**. В настоящей работе термины инклюзивность/ эксклюзивность говорящего употребляются не в

традиционном понимании «*Мы* инклюзивное», «*Мы* эксклюзивное». Термины «инклюзивность/ эксклюзивность», вслед за Г.А. Золотовой, употребляются в значении совпадения/ несовпадения и сближения/ отдаления субъекта модуса (*Я* говорящего) и субъекта диктума (субъекта действия) (подробно см. в [КГ (1998) 2004]). Модусная составляющая (*Я*) может обнаруживаться в лексеме или граммеме³, а также в рамках предложения и на уровне текста. Именно в тексте она становится наиболее очевидной.

Взаимодействие (в форме глагола и в тексте) категории залога, обнаруживающей интерпретационный взгляд говорящего, и предикативных категорий времени и лица может давать **ограничение в парадигматике синтаксических категорий времени и лица**. Это имеет непосредственное отношение к степени акциональности.

Речь пойдет о возможном **снижении акциональности в возвратных глаголах**. Будут рассмотрены такие признаки акциональности, как каузация (инициатива), контроль над действием, исполнение действия, целеполагание, наблюдаемость (сенсорный модус – Н.Д. Арутюнова, репродуктивный регистр – Г.А. Золотова, перцептивный модус – Н.К. Ониненко). Для автора настоящей работы основная задача - установить, какие из признаков являются ведущими для интерпретации степени акциональности глагола.

Акциональность рассматривается во взаимосвязи с агентивностью субъекта. В типологии субъектов релевантными оказываются такие признаки субъекта:

а) принадлежность к диктальной/ модусной семантике высказывания (место субъекта в субъектной перспективе);

б) референциальный статус (референтное/ нереферентное, индивидуальное/ неиндивидуальное имя) (см. об этом, например, [Степанов 1981], [Падучева (1985) 2004]);

³ Ср. с особой функцией совершенного вида по Ю.Д. Апресяну, который обнаруживает «нетривиального наблюдателя».

в) семантико-синтаксический статус субъекта: конкретные имена (личные (одушевленные), предметные, пространственные) и имена, соединяющие пропозициональную и предметную сущность. Последние – это названия явлений природы, в основе которых лежит антропоморфная (предметная) номинация (*Дождь стучит; Ветер дует, воеет*), пересекающаяся с пропозициональной (*Ветер. Дождь* – предикатные имена со значением состояния). По признаку агентивности, соотносимому с глагольной характеристикой акциональности, субъекты выстраиваются в шкалу, которая соединяет в один ряд признаки (б)-(в) (референциальный (денотативный) статус/ семантико-синтаксический статус).

Ср. также с шкалой агентивности (см. [Степанов 1997]), которая представляет собой ряд актантов (которые можно соотнести с диктальным отрезком субъектной перспективы) по степени близости к действию:

Агенс – Инструмент – Действие – Объект.

2. Значения возвратных глаголов: соотношение глагольной семантики и позиции субъекта модуса.

Помимо грамматических составляющих (время, лицо), задействованным в реализации категории залога оказывается и семантический тип глагола. Наблюдения над языковым материалом позволили установить новые подтипы категориальных значений в корневой семантике глаголов и дополнить классификацию глаголов по Ю.С. Степанову ([Степанов 1997]): к выделяемым им «обрабатывающим действиям» (*стричь ногти, причесывать волосы, гладить юбку*) и «добывающим действиям», или созидательным (*писать стихи, добывать огонь*), следует добавить «изменяющие действия» (*изменять, развивать, уменьшать, увеличивать*), «деструктивные действия» (*разрушать, ломать*) «переместительные действия» (*двигать мебель, открыть/ закрыть дверь, поднять/ опустить штору*).

Далее приводятся традиционные лексико-грамматические значения возвратности (по В.В. Виноградову), которые обсуждаются в этой работе (страдательное значение включается в список значений наряду с остальными):

- а) собственно-возвратное (*моется, бреется*)
- б) непроизвольного действия (*ударился, обжегся*)
- в) косвенно-возвратное (*сосед строится*)
- г) взаимно-возвратное (*На лугу бодаются коровы*)
- д) средне-возвратное (динамическое)⁴ (*Лифт поднимается*)
- е) активно-безобъектное (*Собака кусается*)
- ж) качественно-характеризующее (*Посуда бьется*)
- з) возвратно-страдательное (*деньги выдаются кассиром*)
- и) пассивного обнаружения признака (*на горизонте белеется парус*)
- к) возвратно-инволютивное⁵ (*мне не спится*)
- л) обще-возвратное (*он обрадовался*)

Этот список объединяет значения возвратных глаголов, соотносимых (1) только с переходными, (2) только с непереходными глаголами, а также (3) с теми и другими. В него включены возвратные глаголы, соотносимые с невозвратными только по наличию постфикса (но не приставки и постфикса), ср.: *кусаться, белеться, мыться* – но: *съехаться, разлечься* – глаголы второго типа не рассматриваются.

Перечисленные значения интуитивно выделяются большинством исследователей, обсуждающих проблему русского залога. Однако выделяются в грамматиках эти лексико-грамматические типы на разных

⁴ Средне-возвратные (динамические) глаголы не являются значением возвратности в прямом смысле, а получают осмысление в тексте (собственно-возвратное, качественное, страдательное). Выделяются они на том основании, что означают не замыкание действия в одной субъектной сфере, как собственно-возвратные, а обозначают, что энергия затрачивается на перемещение предизируемого субъекта, т.е., будучи направленной на этот субъект, истекает и вовне. Претендентом на роль источника энергии может быть как сам предизируемый субъект, так и внешний субъект (и личный, и неличный – природная сила).

⁵ У В.В. Виноградова [Виноградов 1947] это значение называется «безлично-интенсивным».

основаниях, что отмечалось в современных научных критических работах (см., например, [Гаврилова 2006]).

С точки зрения предъявления актантов (субъектов диктума) – упаковывания объекта и субъекта в возвратном постфиксе – возвратные глаголы делятся на организованные по субъекту и по объекту действия.

По типу предикации возвратные глаголы делятся на две группы:

1) Собственно-, косвенно-, взаимно-возвратность, непроизвольное действие, активно-безобъектное значение, пассивное обнаружение признака – предидируется субъект исходного действия.

2) Качественно-, страдательно-возвратность – предидируется объект исходного действия.

Ср. с классификацией рефлексивных глаголов у В.П. Недялкова, где на 2-м уровне классификации учитывается совпадение/ несовпадение субъекта рефлексивной конструкции и субъекта соотносительной с ним нерефлексивной конструкции [Недялков 1978: 30]. Ср. также: неэргативные и неаккузативные возвратные глаголы в работе В.И.Гавриловой: «...неэргативные глаголы ... следует определить как глаголы, единственному обязательному аргументу которых присуща роль агенса; а неаккузативные глаголы ...следует определить как глаголы, единственному обязательному агенту которых присуща роль пациенса» [Гаврилова 2006: 87].

Если В.П. Недялкова и В.И. Гаврилову интересует возвратность с точки зрения структурной, т.е. варианты соотношенности поверхностного субъекта с глубинным субъектом и объектом действия, то в данной работе осуществляется не только соотнесение актантной модели возвратного и переходного глагола и вариантов ее поверхностного воплощения, но и устанавливается **позиция субъекта модуса по отношению к действию, его объекту и субъекту** – признак, который в конечном счете и отвечает за значение возвратного глагола (он прочитывается в глагольной синтаксеме изолированно или в синтаксической конструкции).

Интерпретация валентностей возвратного глагола при помощи такого инструмента Коммуникативной грамматики, как субъектная перспектива, позволяет, с одной стороны, увидеть отношения между диктальными субъектами (субъектами бытия, реализованными в глагольной лексеме как субъект и объект). С другой стороны, обнаружить усложнение модусной организации высказывания и текста (в других терминах, смысловое изменение предложения по синтаксической категории лица).

Грамматическая работа возвратности – это не просто перестановка актантов (*мальчик читает книгу – книга читается мальчиком*) или уменьшение количества актантов (*собака кусается, диван раскладывается*), это такая структурно-семантическая перестройка, в результате которой устанавливаются отношения между субъектом действия и субъектом речи, между объектом действия и субъектом речи.

Для описания актантного набора возвратных глаголов на фоне переходного в научной литературе используются разнообразные формулировки: нулевая диатеза, закрытие валентности, «освобождение «мест» [Тестелец 2001], перестановка, или расположение (Т.В. Шмелева – Доклад на Виноградовских чтениях в МГУ 2006 г.). «Закрытие» одного из диктальных «мест» в предложении может иметь чисто диктальный характер (*Мальчик умывается*), а может обнаруживать субъекта модуса (*Ключ нашелся*), ср. также понятие «За кадром» [Е.В. Падучева 2004: 67 и др.], используемое для интерпретации субъектной роли, не выраженной в предложении.

Чтобы объяснить работу возвратности, в данном исследовании используется понятие «энергии действия». В плане грамматической семантики возвратность можно интерпретировать как перенаправление, по сравнению с мотивирующим глаголом, потока энергии – по отношению к субъекту действия (а тем самым потенциально и к субъекту модуса – при совпадении субъектных сфер S1 и S4) либо по отношению к субъекту модуса (тогда отношения между субъектом действия и действием остаются

неизменными по сравнению с переходным глаголом, меняется позиция модусного субъекта по отношению к «энергетическому потоку» и/или по отношению к субъекту или объекту действия).

В возвратных глаголах, соотносительных с переходными, истечение энергии наружу прекращается, закрывается постфиксальной «заслонкой», т.е. течение энергии разворачивается в «обратную сторону», в сторону субъекта действия. В случае переходных глаголов это более или менее очевидно: *мальчик умывается* – возвращение энергии к субъекту действия, *они целуются* – замыкание энергии между двумя субъектными сферами – агенса и контрагента и т.д.

В случае переходных глаголов проблема «перенаправления энергии» может разрешаться в пределах диктума, т.е. претендентом на инициатора перенаправления энергетического потока является субъект действия. Это традиционные типы собственно-возвратный, взаимно-возвратный, а также косвенно-возвратный (*мальчик умывается, сосед строится, мальчики дерутся на перемене*). Это самые нейтральные типы возвратности; тот факт, что действие может протекать в конкретный момент времени и субъектом его может быть и субъект модуса, отражается **в полноте парадигмы** таких возвратных глаголов – по времени и по лицу. Также именно эти типы возвратности более всего соответствуют традиционным определениям залога (отношение действия к субъекту, отношение действия к субъекту и объекту действия). Ср. с классификацией залогов для русского глагола в [Падучева 1974], где к производным залогам относится возвратный (который представлен в вариантах собственно-, косвенно- и взаимно-возвратности), а также в [Мельчук 1997], где собственно-возвратность обсуждается в связи с залогом.

Однако возможен случай, когда диктального перенаправления энергии не происходит, меняется позиция говорящего по отношению к действию (к «энергии» действия), объекту или субъекту.

Такую работу залога можно сравнить с работой категории вида, которая соотносит время действия (диктум) и время речи (модус): несовершенный вид указывает на то, что взгляд говорящего направлен параллельно линии времени, а совершенный – взгляд говорящего пересекает прямую времени: время__→; время__↓, см. в [Золотова 2002; Золотова и др. 2002]. Разница между видом и залогом состоит в том, что вид работает совместно с категорией времени, а залог позволяет говорящему перемещаться по отношению к «энергии действия», т.е. смотреть по направлению или против потока.

Если категория вида взаимодействует, накладываясь на нее, с категорией времени, то категория залога взаимодействует с категорией акциональности, действия (точнее, с направлением его энергии). Соответственно **вид имеет дело с «пределами» (внешними границами) действия, а залог – с его источником** (причиной действующей – одной из четырех причин по Аристотелю).

Взаимодействие категории залога с категорией действия («энергией действия») может приводить к ослаблению значения действия. Так, по мнению Г.А. Золотовой, активное и страдательное значения предложений при событийном тождестве имеют разное типовое значение – действия *Кассир выдает деньги* и качества *Деньги выдаются кассиром*, Золотова в [ЖГ 1998, 2004]⁶. Ср. также у А.А. Потебни: «...под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписано посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном. Этого рода страдательность представляется возвратностью действия:

Не плач, мамко, не журился:

Не дуже я порубався:

Лем ручечки на стучечки,

Головицю на четверо (Головацкий, III, 8)» [Потебня 1941:206].

⁶ Отношения синонимии и трансформации обсуждались в [Колшанский 1975: 99].

Уменьшение количества реализованных на поверхностном уровне актантов, упрощение диктальной части высказывания, усложняет его модусную составляющую, т.е. происходит своеобразное «перетекание смысла» в модус. Это «перетекание» обусловлено тем, что исходную денотативную ситуацию проинтерпретировало человеческое сознание – языковое или индивидуальное, оставив свой след в структуре и смысле предложения⁷. Тем самым предикаты – возвратные глаголы приобретают в языковой системе статус модифицированного предиката, предложения с ними следует рассматривать на фоне исходных предложений с невозвратным предикатом как структурно-семантические модификации (трансформации, синтаксические деривации).

Возвратность сигнализирует, что *Я* говорящего обнаружило себя, уточняя отношения не только в триаде субъект – действие – объект, но и помещая себя в эти отношения. Субъектная перспектива усложняется за счет совпадения диктальной субъектной сферы (субъекта или объекта действия) и модусной – субъектной сферы говорящего. К модусно-обусловленным принадлежат значения страдательное, качественно-характеризующее (*Ящик не выдвигается*), активно-безобъектное (*Собака кусается*).

Непереходные глаголы перцептивной семантики также следует признать «энергетическими», ср.: *белеет, светит, стучит*, но эта энергия переходит на некоторый объект, а реализуется во внешнем мире. Если непереходный глагол предьявляет направленный поток энергии (что часто может выражаться директивной синтаксемой «куда?»: *стучит в дверь, светит в темноту, на землю*), то постфикс, интерпретируя семантику глагола, «рассеивает» энергию, заставляет ее изливаться «во все стороны», выступает как «рассекатель», ср.: *Солнце светит – Луна светит. Луна светится – ?Солнце светится. Солнце светит на землю – ?Луна светит на*

⁷ Ср. с неопределенно-личными предложениями, для которых доказана эксклюзивность говорящего и модифицированный характер предложения (Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова, КГ).

землю; Кто-то стучит в дверь – Кто-то стучится в дверь. Ветка стучит в окно – ?Ветка стучится в окно.

Класс непереходных невозвратных глаголов, соотносимых с возвратными, довольно узок, в основном это глаголы, предназначенные для репродуктивного регистра, имеющие перцептивную составляющую. Тем самым они маркированы говорящим-наблюдателем (*Белеет парус одинокий...*). Возвратные глаголы (*белеться*) сохраняют связь с репродуктивным регистром и пространственно-временной позицией говорящего, указывая на характер «истечения энергии». Возможно, именно отмена возвратностью направленности энергетического потока, который исходит «лучом», и появление распыленной энергии, испускаемой «во все стороны» (*светить – светиться, белеть - белеться*), заставляет говорить о том, что в возвратном глаголе, сравнительно с невозвратным, «ослабевают и утрачиваются значения интенсивное... и начинательное» [Виноградов 1947: 636], а также об «оттенке неопределенности, слабости выявления признака» в возвратном глаголе [АГ-80: 618].

В результате возвратной модификации предиката взаимодействуют либо (1) диктальные субъектные сферы – обычно совпадение субъекта и объекта действия в одном лице, либо (2) сферы диктума и модуса – субъекта сознания (речи) с субъектом/ объектом действия; тогда возвратность – это сигнал усиления значимости модуса.

Обнаруживается связь между типом предизируемого субъекта и модусом: предложения с предизируемым субъектом действия могут быть как модусно-маркированными, так и немаркированными, предизируемый объект действия всегда маркирует говорящего.

(1) Немаркированные модусно – собственно-, взаимно-возвратные, частично средне- и косвенно-возвратные;

(2) Маркированные модусно – все типы, предидирующие объект действия; активно-безобъектные, частично средне- и косвенно-возвратные, произвольное действие, пассивное обнаружение признака⁸.

3. Диктальные (моносубъектные) значения возвратности: ядро и периферия.

В модусно-немаркированных предложениях действие замыкается в рамках одного личного субъекта, субъект и объект действия совпадают в одной субъектной сфере ($S_1=S_0$). Это чисто диктальное «уплотнение» предложения. Самые типичные предложения – **собственно-возвратные**, ядерная семантика глагола – обычно элементарные физические действия, совершаемые человеком «над собой, над частью себя», ср. у А.А. Шахматова: «действие глагольного признака имеет своим объектом физическую личность самого субъекта-производителя действия» [Шахматов 2001, с. 477]: *Он моется, бреется, причесывается, одевается*. Семантика собственно-возвратных глаголов по Ю.С. Степанову – это «обрабатывающий тип»: такие глагольные действия, посредством которых существующий до действия объект претерпевает некоторые изменения (*мыть, одевать (свое) тело; стричь, причесывать волосы*).

При собственно-возвратности физическим объектом обычно может быть либо все тело человека, либо части тела – голова, лицо, часть головы, лица; ср.: *он помылся = помыл себя, он умылся = помыл/ умыл лицо, он подстригся = подстриг волосы, ?подстриг ногти⁹; она красится = красит*

⁸ В.П. Недеялков выделяет модально-деагентивные рефлексивные глаголы со «смысловыми характеристиками типа «поддаваться действию...», «иметь расположенность или желание выполнить действие...», «спонтанно, как бы помимо воли, выполнить действие...» и т.п. Во всех разновидностях модальные РГ (рефлексивные глаголы) обычно характеризуются более или менее сильными лексическими или структурными... ограничениями. В немодальной группе ограничений значительно меньше» [Недеялков 1978: 31].

⁹ В [Тестелец 2001] указывается: «*Он побрился* означает удаление волос на лице, а побрить себя можно и включая голову» [Тестелец 2001: 423]).

лицо, волосы, ?красит ногти. Таким образом, только лицо является полноценным представителем человека в физическом плане¹⁰.

Косвенно-возвратное значение является расширением первого (собственно-возвратного). Предикаты – глаголы обработки (по Ю.С. Степанову) либо перемещения (которое можно рассматривать как вариант обработки, во всяком случае, общее между ними – объект существует до действия). Субъект действия может совпасть с субъектом речи (что обеспечивает полноту парадигмы по лицу); объект иногда обнаруживает свою связь с субъектом речи, тогда предложение получает разговорный характер, ср.:

(1) *Он защитился* (защитил диссертацию), *ремонтируется* (ремонтирует автомобиль), *построился* (построил дом).

(2) *Женщина, вы завернулись* (завернули покупки)? *Где у вас можно повеситься* (повесить куртку)? *А мы уже пробились* (пробили в кассе товары) (примеры из устного доклада С.С. Сая, прочитанного в ИЛИ РАН).

Семантика глагола – социально значимые действия, совершаемые с объектом, или краткие действия, важные только в момент совершения действия (и в момент речи, если он совпадает со временем совершения действия).

Почему примеры (1) носят нормально-разговорный характер, примеры (2) воспринимаются почти аномально, как языковая игра? Очевидно, дело в том, насколько объект включен в «личную сферу» человека. Вещественные объекты типа машины, диссертации, дома включены в личную сферу, метонимически обозначают самого человека (синекдоха). Во временном плане это глаголы большой временной протяженности (*строиться, защищаться, ремонтироваться*). Возвратные предикаты такого типа с «инкорпорированным» объектом корректны.

¹⁰ См. также о «личной сфере» человека (термин восходит к Ш. Балли) в [Журинская 1979]. У Ш. Балли «личная сфера» понимается как совокупность частей тела и предметов и существ, связанных с личностью так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная, цит. по: [Журинская 1979:301]. Способность собственно-возвратных глаголов упаковывать объект действия, таким образом, распространяется на ядерную часть личной сферы.

В примерах (2) усилено значение именно краткости/ быстроты протекания действия, говорящим актуализируется внешний объект действия, мыслится им как часть субъекта действия, прирастает к нему, благодаря чему личная субъектная сфера агенса поглощает, «осваивает» (делает своей) ту часть предметного мира, которая ей в норме не принадлежит, тем самым «распространяясь» во внешний мир, а внешний мир становится частью личного субъекта. Обыденные объекты, очевидным образом, не входят в «личную сферу», статус их слишком низок, связь объекта с субъектом, кратковременная, в норме не воспринимается как тесная, необходимая и значимая, поэтому соединение таких объектов с личным субъектом не «объективно», ситуативно и принадлежит только субъекту речи¹¹, а не миру, в результате такие возвратные предикаты осознаются как каламбур (что поддерживается «омонимичным» значением обусловленной возвратной синтаксемы – *повеситься, сдать, завернуться*)¹².

Ср., однако, пример *Князь Андрей, одевшись в дорожный сюртук без эпалет, в отведенных ему покоех укладывался* (укладывал вещи) *с своим камердинером* (Толстой). Нормативность такого употребления можно объяснить тем, что связь между субъектом и объектом действия не сиюминутна, она будет иметь место в течение достаточно протяженного времени; еще одна причина нормативности может быть связана с тем, что эта связь принадлежит не внешнему субъекту, а субъекту действия (внутренняя точка зрения, совпадение субъекта действия и субъекта речи).

Вариантом ненормативного косвенно-возвратного значения может быть некорректное отчленение объекта, принадлежащего «личной сфере», от субъекта действия с помощью глагола переместительной семантики: *Где у*

¹¹ Осознанное нарушение нормы, в частности применительно к категории залога (каузативация и декаузативация в связи с частицей *-ся*), рассматривается в докторской диссертации и монографии Е.Н. Ремчуковой в связи с понятием «креативный потенциал языковой системы» [Ремчукова 2005: 152 – 160].

¹² Ср. также: «Очевидно, в понятие человека как личности включаются: а) тело и его части, б) имя, мысли, чувства, переживания, в) различные окружающие его предметы, связь с которыми он (или говорящий о нем) могут представлять в разной степени нерасторжимыми (оказационально в эту часть личной сферы может быть привлечен любой предмет), г) другие люди; таким образом, человек в полном объеме состоит из тела, психики, атрибутов культуры и социальных связей» [Журинская 1979: 308].

вас можно повеситься? Одежда принадлежит к личной сфере, ср.с корректным *он разделся* – где тоже речь идет об отделении одежды, но глагол интерпретирует субъекта действия, а не объект действия, ср.: *Он разделся* (раздел себя, а не одежду). Возможно, некорректность этого подтипа состоит и в том, что обычно предикаты, факультативно используемые для «инкорпорации» некорректного объекта (синекдоха), характеризуют совпадение субъекта действия с объектом действия (не синекдохического, а целостного): *повеситься, пробиться, завернуться*.

Маркировку говорящего с помощью присоединения к предикату не принадлежащей ему субъектной сферы можно проиллюстрировать не только на примерах косвенно-возвратного значения, ср. «личную сферу говорящего», с помощью которой Ю.Д. Апресян интерпретирует другую грамматическую форму – 1-го л. мн. Речевая тактика говорящего объединяет адресата и субъекта речи: «Упомянем псевдоинклюзивные глагольные формы первого лица множественного числа (ср. *Ляжем, перевернемся на живот, встанем* в ситуации врачебного осмотра или *Давайте останемся* в устах кондуктора, прекращающего посадку на трамвай), уместные только в тех случаях, когда говорящий включает слушающего в свою личную сферу» [Апресян 1995: 646].

Предложенная выше интерпретация косвенно-возвратного значения предложений отличается от принятой в классических трудах по залогу, где обычно объект предположительно возводится к возвратному местоимению в Дат.: «построил что-то себе, для себя → построился», ср. у А.А. Шахматова: «действие глагольного признака, производителем которого мыслится нарочито сам субъект, имеет этого производителя также и косвенным своим объектом: прямой объект остается невыраженным, он не может быть выражен (*посеюсь, попашусь, я отстроился*)» [Шахматов 2001: 478].

Представляется, что интерпретация через «инкорпорацию» объекта в субъект корректна, это подтверждается и большой продуктивностью обсуждаемого типа в современной речи, ср. примеры: *Мы открылись*

(вывеска на магазине, ресторане); *Мы показываемся* (художники, актеры о своих работах), которые не могут быть сведены к историческому дательному (со значением *себе*). Вероятно, осмысление через «инкорпорацию» объекта победило значение «себе, для себя». Возвратные предикаты такого типа относятся к интерпретирующим предикатам, что свидетельствует об их регистрационной ограниченности – употребительности в информативном регистре.

Другим «ответвлением» собственно-возвратности является группа возвратных глаголов «**непроизвольного действия**»: *пораниться, удариться*. От собственно-возвратных их отличает семантика неконтролируемости.

Они сходны с собственно-возвратностью по соотношению субъекта и объекта, однако лексическое наполнение объекта здесь несколько другое: объектами могут быть любые части тела, ср.: *порезаться=порезать палец*. По семантике глагольной они являются глаголами перфективными и относятся в классификации по Т.В. Булыгиной к предикатам-Происшествиям. Мгновенность, перфективность, **неконтролируемость** (и, как следствие, неупотребительность с целевыми придаточными) указывают на малую акциональность этой группы, что часто имеет следствием неполноту парадигмы (ср. **я режусь*) – в отличие от нормально-акциональных собственно-возвратных глаголов, развивающих действие из прошлого в будущее, имеющих парадигму по виду, времени, лицу, употребимых в наблюдаемых контекстах.

Средне-возвратные глаголы (глаголы переместительной семантики) также образуют моносубъектное значение. Действием охвачено все тело (*наклониться, свеситься, подвинуться*). Расширение значения по сравнению с собственно-возвратностью – в том, что предсказываться могут не только имена одушевленные, но предметные. Это накладывает ограничения на сочетаемость с целевыми синтаксемами и придаточными.

Обще-возвратность (*радоваться, беспокоиться, злиться*) примыкает к собственно-возвратности по тем признакам, что (1) «закрывает действие в

сфере субъекта» [Виноградов 1947: 632] и (2) субъектом обще-возвратных предикатов могут быть только одушевленные имена. Разница состоит в том, что обще-возвратность затрагивает не физическую, а психическую, внутреннюю сторону человека; типовое значение предложений с обще-возвратными предикатами – не действие, а состояние. Смысловое соотношение между обще-возвратным и словообразовательно мотивирующим его переходным глаголом обратное.

Неакциональность значения проявляется в том, что совершенный вид обще-возвратных глаголов имеет значение начала состояния, а не результата, как при значении действия (*обрадовался, разозлился, обеспокоился/забеспокоился*), состояния не сочетаются с целью, ср.: *?обрадовался, чтобы....* Пары *волноваться – взволноваться, радоваться - обрадоваться* квалифицировались как перфектные видовые пары [Маслов 1948; Падучева 1996: 94].

4. Модусная моносубъектность (возвратно-инволютивное значение).

В отличие от рассмотренных выше случаев моносубъектности, где взаимодействуют диктальные субъектные сферы – субъекта и объекта действия, обнаруживается вариант замыкания действия в одной субъектной сфере, когда возвратность, взаимодействуя с корневой семантикой глагола, разрушает значение действия (*не работается*) либо подтверждает значение состояния (*не спится*). Это значение – вариант «замыкания действия» в одной субъектной сфере (исходного субъекта действия S1, совпавшего с субъектом сознания S3 (речи S4)). При этом обнаруживается механизм «семантического согласования»: маркированная синтаксема Дат. субъекта состояния соединяется с совпадающим по типовому значению предикатом (инволютивное, значение «состояния»), который рассогласован с субъектом по морфологическим категориям лица, числа (и рода). Это Я-предикаты, они передают внутреннюю точку зрения; часто предложения с такими

предикатами («безлично-интенсивными» – по В.В. Виноградову) оформляются с отсутствием субъектного компонента; 3-е лицо местоимения в Дат.п. прочитывается по законам внутренней точки зрения. Несмотря на бытующее представление о том, что практически любые глаголы принимают постфикс и выступают в этом значении, это не совсем так.

Это значение легко принимают предикаты 1-го лица, тем самым обнаруживается изосемия по категории персональности между исходными и производными формами предикатов: *Я живу хорошо - Мне живется хорошо, Я сижу – Мне не сидится; ?Я любезничаю – ?Мне любезничается* и т.п.

Если речь идет о соотносительных с переходными возвратных глаголах, то это значение является модификацией абсолютного употребления глагола; преимущественно это значение образуют глаголы, употребимые в репродуктивном регистре (также предикаты 1-го лица). Их объект обнаруживает тесную связь с субъектом действия исходного глагола: для физического действия – это объект принимаемый (*не естся – ?не рубится*), для когнитивных глаголов – объект, даже если он принадлежит в результате внешнему миру, сохраняет связь с интеллектом субъекта действия, ср.: *Он (сидел) и писал, читал, ел – не писалось, не читалось, не елось*. В случае же глаголов информативного регистра, с объектом, принадлежащим внешнему миру, абсолютное употребление и образование безлично-интенсивного значения затруднено, ср.: *?он сидел и изобретал, перерабатывал – пробовал изобретать – не изобреталось* (Т. Толстая); *(ему) ?не перерабатывалось*. Как и качественно-характеризующее значение, безлично-интенсивное выражается в предложениях отрицания и оценки (*Ему не работается, Ему хорошо/ плохо работается*). Инволюнтивность (значение состояния) предиката накладывает запрет на выражение цели.

5. Модусные (полисубъектные) значения. Качественность как производное значение на базе страдательного¹³ и взаимно-возвратного.

Возвратная форма глагола закрывает одну из валентностей переходного глагола (в терминах трансформационной грамматики) – субъекта или объекта действия. Предикация объекта действия исходного предложения маркирует говорящего и создает модифицированный тип предложения. «Закрытие», или невыраженность субъекта действия, означает не устранение этой субъектной сферы, а ее модификацию. С другой стороны, предложения с предикцированным субъектом действия могут быть также маркированы и тем самым модифицированы: субъект речи может интерпретировать объект действия. Вариантами модификаций являются включенность/ исключенность (инклюзивность/ эксклюзивность) субъекта речи по отношению к «закрытой» субъектной сферы.

Интерпретация возвратности как маркированности по линии модуса позволяет обнаружить общую грамматическую закономерность, осуществляющуюся в нескольких традиционных типах возвратности: см. пассивно-качественное (*сахар плохо растворяется*) и активно-безобъектное (*собака кусается*) значения. В АГ-80 эти значения интерпретируются в сходных терминах: первые «называют действие как **постоянное** и **характерное свойство** субъекта», вторые «называют действие как **характерную** для субъекта **склонность** или **способность** подвергаться какому-либо воздействию» (АГ с. 618). Это означает в грамматических терминах предназначенность информативному регистру (ненаблюдаемость), качественность и потенциальность значения предиката. Общность значений,

¹³ Противоположное решение представлено в АГ-80: согласно идеям авторов АГ-80, возвратные лексемы действительного залога (в рамках морфологической словоизменительной категории они не рассматриваются) обслуживают парадигму страдательности. Тем самым они должны получать исходную интерпретацию через качественно-характеризующее значение действительного залога (*дерево обрабатывается легко*), а затем, опосредованно, в страдательном значении (залоге), ср.: *Дерево обрабатывается в первую смену*. Тем самым производное и более сложное в смысловом и количественном плане – в синхронии – значение (качественно-характеризующее) признано исходным и служит для описания более простого (страдательного), в чем можно увидеть логическое противоречие. Ср. с АГ-70, где содержится указание на то, что есть возвратные глаголы (действительного залога), несущие только одно значение – страдательное; это глаголы типа *взваливаться, внушаться, отрицаться* и т.д.

в том, что они организуются действием одного и того же грамматического механизма – эти значения являются результатом обобщения по категориям лица и времени, прочитываются как предикаты качества.

Сходство этих типов обусловлено усложненной субъектной перспективой: они характеризуются полисубъектностью и совпадением субъекта модуса с одной из диктальных субъектных сфер. Полисубъектность прочитывается за счет распределения субъекта и объекта по разным субъектным сферам, одна из которых выражена подлежащим, другая – упакована в возвратном аффиксе *-ся*.

Аффикс *-ся* может быть представителем как субъекта действия или предметного имени – функции в функтивных предложениях (в предложениях с функтивными глаголами), так и объекта, ср.: *собака кусается, крапива жжется* – в подлежащем субъект действия/ функции, сфера объекта действия (*-ся*) – личный субъект; *диван раскладывается* – в подлежащем объект действия, сфера субъекта действия (*-ся*) – личный субъект. Предельным случаем разделенности, несовпадения субъекта и объекта действия в одной субъектной сфере является прикрепление *Я* говорящего к противоположной предцируемому субъекту субъектной сфере¹⁴ - в предложениях типа *Собака кусается Я* входит в сферу объекта действия, в предложениях типа *Диван раскладывается Я* входит в субъектную сферу субъекта действия. Прикрепленность *Я* говорящего означает обобщенно-личное значение такой субъектной сферы (инклюзивность субъекта речи): конструкция прочитывается в потенциальном плане¹⁵.

Другими словами, **инклюзивность** как значение категории лица задействует и грамматический механизм времени, значение которого

¹⁴ Пространственная разделенность референтов субъектных сфер субъекта и объекта действия понимается здесь как условие страдательного прочтения, т.е. течения энергии от субъекта к объекту – в отличие от моносубъектного собственно-возвратного значения, где течение энергии замыкается в сфере одного субъекта. Предельным случаем совпадения двух субъектов (субъекта и объекта действия) в одной субъектной сфере является собственно-возвратное значение (*мальчик моется*).

¹⁵ Но тогда и нет страдательности (страдательность связана с тем, что говорящий смотрит на ситуацию «со стороны объекта» - об этом подробнее ниже). Не уточняя особенности функционирования возвратной формы глагола, о том, что глагол на *-ся* «наряду с денотативным, пассивным, временным значениями сочетает в себе и модальное значение совершения действия», пишет в своей диссертации Е.А. Пахомова [Пахомова 1990: 24].

прочитывается как такое, которое совершается «всегда, во все времена», ситуация выводится за пределы конкретно-временного плана. «Всевременность» тесно связана с модальностью потенциальности: действие может совершить «всякий, и я в том числе» (*диван раскладывается*) или действие может совершиться в отношении «всякого, и меня в том числе» (*собака кусается*). Действие, обозначаемое корневой семантикой глагола, прочитывается в отношении всех возможных субъектов действия, соотнесенных с опытом говорящего (*Орех не разгрызается*¹⁶ – я не могу разгрызть орех, и любой другой не может), либо всех объектов действия, соотнесенных с опытом говорящего (*Собака кусается* – мне, говорящему, известно, что может укусить меня и любого человека). Потенциальная модальность, в свою очередь, указывает на качественность предиката (и тем самым на ненаблюдаемость, неупотребимость в репродуктивном регистре). Это сближает возвратно-качественные предикаты с предикатами-прилагательными – изосемическими предикатами качества, ср.: *собака кусается* – *собака может укусить* – *собака кусачая*, *диван раскладывается* – *диван можно разложить* – *диван раскладной*.

Модальность «приглушает», подавляет акциональность качественно-возвратного предиката, акциональность переходного глагола не сохраняется в возвратном. Репродуктивные (актуально-длительные) контексты не принимают возвратные предикаты с инклюзивным субъектом речи, сфера употребления этих предикатов ограничена информативным (и генеритивным) регистром.

Удаленность субъекта речи от субъекта предложения, реализуемая в полисубъектности, имеет своим следствием то, что качественно-возвратные предикаты являются *Он*-предикатами: *собака кусается*, *диван раскладывается*, а их субъекты, соответственно, *Он*-субъектами. Предложения типа *Я кусаюсь*, несмотря на 1-е лицо субъекта предложения, прочитываются с точки зрения адресата: взгляд на себя со стороны.

¹⁶ Пример из [ТФГ 1991]

Созданию потенциально-качественного значения способствуют наречия оценки (*легко, хорошо, слабо, плохо закрывается*) и отрицания (*е закрывается*) – модусные составляющие, находящиеся в семантическом согласовании с инклюзивностью субъекта речи как средство модусной обусловленности значения возвратного глагола.

Ср. также примеры из художественных текстов (информативные композитивы отмечены подчеркиванием): *В снях никого не было. «Боже мой! все ли благополучно?» - подумал Ростов, с замиранием сердца останавливаясь на минуту и тотчас пускаясь бежать дальше по сням и знакомым покривившимся ступеням. Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, так же слабо отворялась; Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. ... Шкафов для платья не было. Какие были, те не закрывались и сами открывались, когда проходили мимо их.*

Таким образом, сходный характер прочтения предложения по значению синтаксического лица (обобщенно-личной субъектной сферы, открываемой постфиксом –ся) и синтаксического времени (предикат качества) как результат инклюзивного прочтения Я позволяет объединить в один тип два традиционных разряда возвратных глаголов. Название, данное разряду с объектом действия в подлежащем, по значению синтаксического времени подошло бы и субъектному – характеризующе-качественное; субъектные же предложения названы не по значению времени, а по типу субъекта и объекта: активно-безобъектные¹⁷. В последнем названии усматривается указание на обобщенно-личность, т.е. безобъектность как нереферентность, обобщенная референтность, активность – как указание на подлежащее-каузатора. Для объектного типа можно сконструировать название по тому же принципу: «пассивно-безагенсное».

Этот же механизм – обобщение сферы объекта действия с помощью присоединения к глаголу постфикса -ся – действует не только на переходных

¹⁷ Ср. также название этого типа у И.А. Мельчука – субъектный супрессив.

глаголах, ср.: *Собака кусается – Кофта стреляется – Вовка плюется*. В двух последних предложениях постфикс соотносится с косвенным объектом действия (обобщенно-личным, куда помещается и субъект речи).

Ю.С. Степанов [Степанов 1981а: 301-314] обратил внимание на то, что от одних глаголов образуются возвратные с потенциально-качественным значением (предицируемый субъект действия, функция), а от других нет: *Собака кусает – кусается; Огонь жжет- жжется, кран брызжет – брызжется, рябина вяжет – ???, звук режет - ??? солнце слепит –???* Сегодня представляется возможным объяснить эту закономерность. Очевидно, в тех глаголах, где образование качественного значения возможно, имеется сходство в движении энергии: энергия распространяется во внешнее пространство, к которому принадлежит весь класс потенциальных объектов – и инклюзивный говорящий. Не образуют качественного значения те глаголы, сфера проявления качества, которое они обозначают, – это внутреннее пространство человека, пространство, замкнутое телесно: *рябина вяжет (рот), звук режет (ухо)*; при этом, однако объектные имена нереперентны, синекдохически обозначают класс воспринимающих личных субъектов. Ср. с типом объекта в собственно-возвратном значении, а также со значением «пассивного обнаружения признака» (*белеется*) – энергия распространяется в мир, разница – в регистровой принадлежности.

Предлагаемое здесь восстановление в значении предложения субъектной сферы, соединяющей субъекта диктума (субъекта или объекта действия) с субъектом модуса (субъектом речи), согласуется с идеей Е.В. Падучевой, высказанной ею в споре о фигуре наблюдателя в предложениях с «подлежащим–пространственным объектом» (*Дорога поворачивает/ повернула направо*), а также типа *Письмо обрывалось/ оборвалось на полуслове*. Е.В. Падучева предлагает говорить о производном характере такого употребления глагола, о «диатезе с наблюдателем (пользователем)», не выраженным синтаксически, но сохраняющемся в семантике предложения: «Общим для примеров <...> является производная диатеза

глагола: глагол употребляется таким образом, что его подлежащим становится неглавный участник ситуации, а главный участник, предполагаемый ситуацией, вытесняется в позицию синтаксически невыразимого, но сохраняет за собой право быть наблюдателем происходящего...» [Падучева 1996: 101] – с той оговоркой, что в рамках КГ наблюдатель связан с определенным типом модуса – с перцептивным, поэтому в случае предикатов качества более корректно обозначать субъекта речи субъектом знания. Ср. также в [Падучева 2004а] о «семантическом месте» для «наблюдающего» субъекта, «словесно вытесненного из предложения», которое получило название «За кадром» [Падучева 2004а: 67].

Разведение в грамматиках потенциально-качественного значения возвратности и страдательного залога проводится довольно последовательно (начало этому положено было, очевидно, в Грамматике А.Х. Востокова, далее находим у В.В. Виноградова, в АГ-52-60, АГ-70, АГ-80), при этом в АГ-70 и АГ-80 – в рамках действительного залога. С другой стороны, есть и тенденция объединять эти значения в одном структурном типе – в пассиве [Исаченко 2003], ср.: «Пассив часто выражает некоторые модальные значения, чаще всего – потенциалис (=значение возможности): ...*Бумага легко режется*» [Тестелец 2001: 421], [ТФГ 1991], ср. также: «Потенциально-качественное значение русских парных возвратных неаккузативных глаголов следует рассматривать в качестве одного из возможных значений форм несовершенного вида страдательного залога» [Гаврилова 2006: 93 – 94]. Независимо от того, как конкретный исследователь классифицирует объекто-предикаторные возвратные глаголы, в образовании потенциально-качественного значения заложен определенный грамматический механизм. С учетом модусной составляющей (инклюзивности субъекта речи) потенциально-качественное значение можно рассматривать как производное от страдательного значения – за счет подстройки значений категорий

времени и лица под текстовые условия. Ср. также: *Он стоит и курит – Он курит* (имеет привычку), т.е. как результат попадания в неактуальное время информативного регистра речи.

Если качественное значение создается особыми значениями синтаксического времени и лица: обобщенно-временное, осложненное модальностью потенциальности, значение времени и инклюзивность, то страдательность (как отсутствие вневременного значения предиката и обобщенно-личного значения лица) появляется там, где обнаруживается более конкретное временное значение (узуальное или актуальное) и эксклюзивность субъекта речи. Конкретизированное значение времени появляется там, где от субъектной сферы объекта действия отпадает *Я* говорящего. **Эксклюзивность** отключает механизм обобщенности времени, что разрушает и качественность предиката. Тем самым страдательный предикат приобретает большую акциональность (чем качественно-потенциальный), будучи интерпретирован через действие суженного (за счет вычитания субъекта речи), более конкретного (чем все люди, и я в том числе) личного субъекта.

Контекст может менять прочтение возвратной синтаксемы – собственно-страдательное (с конкретизированным значением времени) либо качественно-характеризующее (всевременное значение).

В возвратно-качественных предложениях с подлежащим – объектом действия исходного предложения (*диван раскладывается – диван можно разложить*) субъект действия не может быть выражен синтаксемой Тв.: это разрушило бы потенциальность модальности и обобщенно-личность, изменило бы типовое значение предложения, ср.: *При демонстрации функций диван раскладывается продавцом-консультантом* – страдательность (узуальное время).

Подобным же образом перевод в конкретно-временные условия разрушает инклюзивность субъекта речи – за счет связанности с действием конкретного субъекта – *Я* говорящего или другого субъекта – и значение

предложения в целом, ср.: *я нажимаю на кнопку – и диван раскладывается;*
По вечерам диван раскладывается и застилается, они ложатся...

В [ТФГ 1991: 175-176] констатируется разное синтаксическое значение модальности в примерах (1) *Велосипед раскладывается* – (2) *Знак лауреата носится на правой стороне груди*. В (1) обнаруживается потенциальное значение, в (2) долженствовательное, однако объяснение этому факту не дается. Сегодня представляется возможным объяснить эту разницу за счет инклюзивности/ эксклюзивности субъекта речи: в (1) – потенциально-качественное значение, инклюзивное Я (2) – страдательное значение, эксклюзивное Я. Еще одна разница между примерами – возможность восстановить в (2) синтаксему Тв. субъектного, организованную нереперентным именем (*Знак лауреата носится лауреатом на правой стороне груди*).

Производный, модификационный характер значения времени и лица в возвратно-качественных предложениях и тем самым отсутствие парадигмы по времени и лицу у глаголов в таких предложениях позволяет признать их не отдельными лексемами, а формой, соотносимой с переходным глаголом.

Возвратная форма (дотекстовая единица), имея собственную функциональность в предложении (быть предикатом), обретает прочтение (значение) – например, качественное/ потенциальное (при известных грамматических условиях – инклюзивности субъекта речи), являясь тем самым контекстно-обусловленной глагольной синтаксемой.

Е.В. Падучева, напротив, при интерпретации возвратно-качественного значения устанавливает причину и следствие в обратном порядке, приписывая квантификацию (обобщенность по линии лица) лексеме (словоформе), в то же время обнаруживая причину квантификации в потенциальной модальности, ср.: «Участник не может быть выражен в предложении, если соответствующая ему переменная квантифицируется уже в толковании – слова или словоформы; например: *Хозяйки не чувствуется;* *Финансовая катастрофа не просматривается;* *Плохие новости лучше*

продаются. Квантификация часто порождается модальностью¹⁸. Так, X не чувствуется = `никто не может почувствовать X`» [Падучева 2004: 428].

Тогда возникает вопрос: каким образом прочитывается потенциальная модальность? Не следствие ли она квантификации, а квантификация – не результат ли прочтения предложения в контексте? Доказательством того, что не лексеме (словоформе) принадлежит квантификация, могут служить такие лингвистические эксперименты: добавим Тв. в предложение *Финансовая катастрофа не просматривается*. Получаем: *средствами массовой информации, специалистами/ властями финансовая катастрофа не просматривается*. По условиям, заданным в интерпретации Е.В. Падучевой, квантификация не соединяется с синтаксической выраженностью в предложении, а квантификация – атрибут лексемы (словоформы). Если бы это было так, то тогда следовало бы признать существование нескольких лексем (словоформ) *чувствоваться* – одна с квантификацией, другая – с возможностью соединения с референтным личным субъектом; подобную множественность надо было бы приписать и другим возвратным глаголам. Тогда возник бы вопрос, как говорящий отличает одну словоформу от другой – при полном материальном тождестве их в парадигме¹⁹.

Другой эксперимент: изменим видо-временную форму предиката и число субъекта, сузив таким образом претендентов на роль «участника» - личного имени. *Эта новость (хорошо) продалась* – попав в условия конкретного времени, субъект продажи (и оценки) обретает более определенные очертания: такое высказывание могло бы принадлежать отдельному лицу (журналисту, к примеру), а «квантификация», как и потенциальность, устранена из значения предложения.

Известно, что группы возвратных глаголов, обсуждающихся в связи с тем или иным значением возвратности, не составляют непересекающихся

¹⁸ Но может быть, это оговорка и следует читать: «потенциальность часто порождается квантификацией»?

¹⁹ Это было бы подобно тому, как если бы иметь две отдельные лексемы (или словоформы) существительных, например, *человек* – одну для конкретно-референтного употребления, а другую – для обобщенно-личного либо неконкретно-референтного употребления, ср.: *Какой-то человек вошел в подъезд – Настоящий человек не должен так поступать; Вооль тропинки прыгала птица – Он разводит птицу*.

рядов. Предложениям типа *Дверь открывается, Коровы бодаются*, взятым изолированно, вне контекста, невозможно дать однозначную квалификацию, ср. у А.М. Пешковского: «...*дерется* (не во взаимном смысле, а в том, в каком это слово употребляет ребенок, жалующийся на своего сверстника: *он дерется*, т.е. «он бьет меня»)» [Пешковский 2001 : 131].

Признание обусловленности значения возвратного глагола контекстом позволит снять проблему омонимии потенциального (качественно-характеризующего) и страдательного значения – с одной стороны и потенциального (активно-безобъектного) и взаимного значения – с другой.

Качественно-потенциальное значение соотносится с взаимным (является производным от него), ср.: *Коровы бодаются на лугу – Корова бодается, Он целуется с Машей – Он хорошо целуется*. В случае взаимного значения субъектные сферы субъекта и объекта действия, как известно, удвоены и соотносятся с парой одних и тех же субъектов бытия, или референтов (что означает конкретно-референтный их статус в предложении), так что два субъекта бытия выполняют две роли – субъекта и объекта действия. Чтобы получить качественно-потенциальное значение, надо «присоединить» субъекта речи к сфере объектов действия, получив таким образом обобщенно-личность объекта действия – это возможно при выраженности объекта действия синтаксическим нулем, тогда субъект речи прочитывается инклюзивно.

Все модусно-маркированные возвратные предикаты имеют ограничения по линиям категории лица и времени – форма 1-го л.ед. ненормативна, они не взаимодействуют с перцептивным модусом.

Качественно-потенциальное значение возвратности известно со времен А.Х. Востокова и Ф.И. Буслаева, именно тогда оно было впервые зафиксировано и с тех пор обычно отражается в грамматиках. Корневая семантика глагола, предизирующего объект действия (характеризующее-качественное значение по АГ-80), никогда не обсуждалась, а разряд

иллюстрировался примерами со значением деструкции либо перемещения, ср.: *нити рвутся, стекло не гнется, ящик не выдвигается*. И те и другие глаголы – и деструкции, и перемещения – являются глаголами короткого действия, что позволяет соотносить предикат с предметным субъектом, предикат в самом деле характеризует в максимальной степени объект действия, в минимальной – субъекта действия, выступающего как звено между предметным субъектом бытия и его качеством. Предицируемыми субъектами же в этом подтипе чаще всего становятся вещества и предметы физического мира – обладающие способностью к разрушению или перемещению с помощью человеческой силы. Ср.: *Я вижу перед собой тарелку с остывшим супом. Щи на мясном бульоне. Бабушка всегда варила на мясном бульоне. Причём, на костях, - то есть, она подолгу - часа по два - вываривала кости. Иногда кости были мозговыми, и можно было выковыривать из них мозг, посыпать солью и есть. Считалось вкусно. Если мозг не **выковыривался**, то стучали костью по ложке до тех пор, пока он не вываливался из отверстия. Но бабушка это не очень приветствовала - ложки были серебряными, мягкими и от стучания костью могли попортиться* (литературные мемуары, Интернет-ресурсы); – *У тебя есть шапка? – У меня кепка. В ней уши **закрываются*** (разговорная речь).

Наблюдения над современной речью показывают, что механизм инклюзивности субъекта речи затрагивает и глаголы с семантикой, требующей от личного субъекта длительного (протяженного во времени, в отличие от центральных для этого значения деструктивных или переместительных глаголов), целенаправленного расхода/ применения энергии, – интеллектуальной деятельности, движения и т.д. Такие глаголы в возвратной форме предикативно сопрягаются с объектами, которые (1) существуют до деятельности личного субъекта (готовыми), на освоение которых и направлено действие личного субъекта, (2) соединяют в себе как физический аспект (бытие в мире), так и интеллектуальную сущность (являются носителями информации); (3) иногда большую протяженность в

пространстве. Такие свойства объектов и обуславливают большую затрату времени и энергии со стороны личного субъекта, ср.: *Ну, Прага... Очень быстро все обходится* (разговорная речь); *Я большой противник сценаристов. Мне кажется, это очень сомнительная профессия. Режиссер приходит к сценаристу с той или иной смелой идеей. И одно несомненно: превратившись в сценарий, идея перестает быть смелой. Она становится нелепо поверхностной. Датские сценаристы — Ким Фунс Окесон и Андерс Томас Йенсен — очень способные, они быстро пишут, их сценарии безумно хорошо **читаются**, у них четкая композиция. Но они разрушительны для фильмов* (из интервью с Ларсом фон Триером); (журналист о недобросовестных коллегах) *Не надо говорить неправду: это все **проверяется*** (я проверял, и каждый может проверить); *Вышла полная стенограмма встречи с главой православной церкви. Там все это **читается*** (я читал, и каждый может прочитать) (Интернет-ресурсы).

Качественное значение предиката, таким образом, не связано жестко с корневой семантикой глагола: и обрабатывающие, и добывающие, и перемещающие, и деструктивные глаголы могут формировать предикаты качества: *рыба не чистится, статья не пишется, диван не двигается* (не могу подвинуть), *посуда не бьется*.

Во взаимодействии личного субъекта с объектом и оценивается качество объекта, а опыт индивидного личного субъекта распространяется на весь класс личных субъектов действия: возвратные предикаты в приведенных примерах характеризуются инклюзивностью субъекта речи и модальностью потенциальности. Однако присутствие личного субъекта – за счет целенаправленности, осмысленности и временной протяженности действия – ощущается в таких глаголах в большей степени, чем в традиционных конкретно-физических, осуществляющихся в коротком временном интервале – деструктивных и переместительных (*рвется, выдвигается*).

Оценочность этих предикатов направлена на две сферы – на объект и на субъект, при этом приоритет принадлежит оценке усилий субъекта

потенциального действия. Это выражается и в взаимодействии таких предикатов с наречными квалификаторами. Если в норме предикаты качества могут соединяться с квалификаторами оценки (*хорошо/ плохо*) и т.д., то предикаты целенаправленной семантики лучше сочетаются с теми квалификаторами, которые ближе к личному субъекту: характеристиками по времени (*быстро/ медленно*) и затрачиваемому усилию (*легко/трудно*), но не с оценочными, которые направлены на характеристику объекта действия, ср.:

Ящик легко выдвигается. – Данные легко проверяются.

Ящик хорошо выдвигается. – ?Данные хорошо проверяются.

Предикаты с конкретно-физической корневой семантикой «короткого времени» принимают качественное значение и в утвердительной форме, и без квалификатора действия, т.е. самой глагольной семантики, соотносящейся с объектом действия и отодвигающей обобщенно-личного субъекта действия на задний план, достаточно. Такие предикаты передают «объективные», верные для всего класса пользователей качества вещей (обычно способность к разрушению), в случае артефактов могут указывать на их предназначенность, ср.: *диван раскладывается.*

Другие же глаголы – созидательной, интеллектуальной деятельности, большой временной протяженности – требуют отрицания или наречного квалификатора для выражения качественного значения; эти квалификаторы обнаруживают субъекта потенциального действия, ср.: *?Книга читается* (скорее прочитывается процессуально) – *Книга не читается* – *Книга легко читается* – *Книга хорошо читается.*

Качественно-возвратные предикаты связаны синонимическими отношениями с модальной модификацией потенциальности двусоставного предложения, ср.: *Собака кусается* – *Собака может укусить. Диван раскладывается* – *Диван можно разложить.* Предложения с вербализованным потенциальным модификатором и нулевым субъектом обладают самыми широкими синонимическими возможностями: практически

любой вариант качественно-возвратного предложения можно соотнести с такой субъектно-объектной модификацией.

Далее приведем синтаксические синонимы с более узкими возможностями.

Отрицательные качественно-возвратные предложения синонимически соотносятся с обобщенно-личными предложениями с нулевым субъектом и с предикатом в форме 2-го лица ед.ч. в совершенном виде²⁰, ср.: *Орех не разгрызается – Орех не разгрызешь*; с предикатом – инфинитивом, ср.: *Орех не разгрызть*.

Предложения с наречными квалификаторами синонимически соотносятся с обобщенно-личными предложениями с нулевым субъектом и предикатом 2-го лица ед.ч.: *Книга легко читается – Книгу легко читаешь*. Предложения с наречным квалификатором могут заменяться на модель с однокоренным предикативным наречием и инфинитивом, ср.: *Книгу легко читать*. Предложения с категорией состояния *хорошо/ плохо*, как кажется, носят другой характер, передавая не качество предметного субъекта, а состояние личного субъекта, ср.: *Книга хорошо читается – ?Книгу хорошо читать, Кость хорошо грызется – ?Кость хорошо грызть*. Квалификаторы скорости/ времени не позволяют организовать предложения с предикативным наречием, такие предложения носят не совсем естественный характер, ср.: *Книга быстро читается – ?Книгу быстро читать*.

6. Сужение обобщенно-личной субъектной сферы и вопрос о субъектной синтаксеме.

Предложения с объектом, который предикативно соединяется с возвратным глаголом созидательной («добывающей») интеллектуальной семантики, не могут нести обобщенно-личное значение субъекта действия. Действия в этот случае соотнесено с единственным, индивидуализированным

²⁰ Форма второго лица единственного и множественного числа... - самый типичный способ выражения обобщенного значения... [КГ 2004: 118].

субъектом действия, а субъектная сфера производителя действия замыкается на реальном производителе действия, ср.: *Эта статья писалась легко;* (Экскурсовод о Серове): *Все работы писались трудно.* Временное значение также конкретизируется, действие соотносится с определенным отрезком на шкале времени (узуальность), потенциальность уходит, однако качественность предиката сохраняется: он характеризует и деятельность субъекта действия, и качество объекта. Ср. также пример Т.В. Булыгиной из воспоминаний М. Цветаевой о роялях ее детства: *«Во-первых, - тот, за которым сидишь... Во-вторых, за которым сидят...»*, обсуждаемый в КГ: в которых «четко выступает оппозиция инклюзивности/ эксклюзивности, но в противопоставленности не обобщенного субъекта неопределенному, а единственного личного Я как субъекта обобщенно-узуального действия другому субъекту» (Г.А. Золотова в [КГ 2004: 120]).

Возникает вопрос, как взаимодействует качественное или потенциальное значение возвратного предиката с субъектной синтаксемой?

Субъектная синтаксема Тв. разрушает потенциальность времени и обобщенность личной субъектной сферы, меняя внутреннюю точку зрения на внешнюю (эксклюзивность субъекта речи)²¹.

Однако есть способ, при потере потенциальности и обобщенности времени и лица, сохранить внутреннюю точку зрения и качественность возвратного предиката. Введение в потенциально-качественное предложение субъектной синтаксемой у+Род. сужает до единственного субъекта личную субъектную сферу и отменяет модально-потенциальное прочтение, ср.: *Дверь не открывается – У меня дверь не открывается.*

Ср.: *В детстве Ляля три года посещала музыкальную школу, у нее находили музыкальный слух и хороший голос, но нужно было купить пианино, а у отца никак не собирались деньги, все тратил на сад, удалось купить только перед самой войной...* (Ю. Трифонов).

²¹ Ср. у Е.В. Падучевой, которая пишет о синтаксической невыразимости квантифицированного участника ситуации [Падучева 2004].

Ср. также два примера из «Анны Карениной»: (1)...*Сергей Иванович, чтобы не мочить ноги, попросил довести себя по лугу в кабриолете до того ракитового куста, у которого **брались** окуни* (представлено обобщенное значение лица при потенциальности времени); (2) *Молодая баба работала легко, весело и ловко. Крупное, слежавшееся сено не **бралось** сразу на вилы* (представлена замкнутая до одного субъекта сфера производителя действия и конкретное временное значение, в предложение можно ввести именную синтаксему у+Род.).

Субъектная синтаксема у+Род. соединяется с качественными предложениями с создаваемым объектом, ср.: *Все работы писались у **Серова** трудно.*

Таким образом, сужение субъектной сферы обеспечивается (1) совершенным видом предиката, (2) создающей семантикой глагола, (3) наличием субъектной синтаксемы у+Род. Эти признаки увеличивают акциональность предиката по сравнению с собственно-качественным значением (обобщенно-личность субъекта, всевременность, потенциальность модальности).

7. Поле акциональности возвратных глаголов.

Для интерпретации возвратных глаголов по типу лексической семантики и способности взаимодействовать с категориями лица и времени очень продуктивным оказывается понятие поле, которое организовано центром и периферией.

Принцип функционально-семантического поля положен в основу системно-описательной модели категориальной грамматики ТФГ, где получают отражение языковые категории с опорой на морфологию (ядром поля является категория, реализованная рядом аффиксов). В рамках ТФГ получила описание категория (морфологического) залога, которая является

ядром поля залоговости (ядро поля залоговости составляют формы актива и пассива) – см. А.В. Бондарко в [ТФГ 1991]^{22, 23}.

А.В. Бондарко важно было предъявить актив/ пассив как центр реализации двучленной залоговой оппозиции²⁴ и разместить весь комплекс признаков, так или иначе участвующий (или не участвующий) в формировании пары предложений в активе и пассиве (переходность/ непереходность, не-страдательная возвратность и т.п.). В рамках настоящей работы, в связи с задачей установить степени акциональности в возвратных глаголах (предикатах), определяющим становится взаимодействие двух полей – акциональности и залоговости (точнее, возвратности).

В результате «наложения», «пересечения» двух полей образуется определенная категориально-семантическая зона, в которой находятся языковые средства, испытывающие влияние и того и другого семантического полей. Система языковых средств, находящихся в этой зоне, может быть представлена в виде шкалы с двумя полюсами: один – акциональность, другой – неакциональность. Неакциональность – это не простое отрицание комплекса признаков, связанных с категорией действия, а наличие других категориальных значений (качество, состояние). Если первый полюс связан с диктальностью, то второй – с наличием модуса, предполагает обязательное присутствие субъекта сознания и/или речи. В верхней части шкалы

²² Идею поля использовала Г.А. Золотова для построения синтаксического поля предложения (Г.А. Золотова в [КГ 1998, 2004], [Золотова и др. 2002]); ср. также с идеей центрально-периферийного устройства лексики и грамматики у Ю.Д. Апресяна [Апресян 2004].

²³ Ср.: «Залоговость может быть определена... как комплекс ФСП (функционально-семантических полей – Е.Н.), которые охватывают разноуровневые средства, характеризуют глагольное действие в его отношении к субъекту и объекту как семантическим категориям, которым соответствует тот или иной элемент синтаксической структуры предложения... Данный комплекс включает поля активности/ пассивности, возвратности (рефлексивности), взаимности (реципрока) и переходности/ непереходности. В каждом из этих ФСП заключен особый аспект характеристики глагольного действия (а тем самым и ситуации в целом) с указанной точки зрения. ...С функциональной точки зрения наиболее высокое положение в иерархии полей залоговости ... занимает поле активности/ пассивности. Семантика и формы активности и пассивности представляют собой разные «позиции» для выражения возвратности, взаимности и переходности/ непереходности... В русском языке поле активности/ пассивности отличается от остальных ФСП в сфере залоговости наиболее сильно выраженной грамматичностью центра поля: активность/ пассивность – моноцентрическое поле, опирающееся на грамматическую категорию залога как на определенную систему грамматических форм» (А.В. Бондарко в [ТФГ: 126-128]).

²⁴ Ср. с «Принципом Максимизации Контраста» внутри грамматической категории, предложенным Сибатани [Сибатани 1999]; согласно этому принципу, противопоставление «актив-пассив», развившееся из пары «действительный – средний залог», является максимально контрастным для категории залога.

окажутся акциональные формы (с категориальным значением действия), свободные, не имеющие ограничений в выражении значений грамматических категорий (обладающие полной парадигмой).

Акциональную часть шкалы организуют модусно-необусловленные значения – предикаты действия, признаками которых являются такие акциональные свойства, как наблюдаемость, волитивность, что выражается в полной парадигме по лицу и возможности выражения целеполагания:

(1) собственно-возвратное (с семантикой обрабатывающего действия, направленного личным субъектом на собственную физическую личность – *умываюсь*);

(2) средне-возвратное (с семантикой движения - *поднимаюсь*);

(3) взаимно-возвратное (где актанты исполняют две роли, будучи и субъектом и объектом действия) – с уменьшением агентивности множественного субъекта (*целуются*).

Далее будут располагаться модусно-обусловленные значения; возможность соединения с целевыми синтаксемами указывает на сохранность акциональных свойств (значения действия), ненаблюдаемость (принадлежность информативному регистру) – указывает на снижение акциональности:

(4) косвенно-возвратное (*Я*, интерпретирующее объект действия – *сосед строится*);

(5) страдательное значение (*Я* эксклюзивное – *знак лауреата носит на правой стороне груди*).

Далее следует значение (6) произвольного действия (*поранился*) – с запретом на выражение целеполагания, интерпретирующий тип предиката с обратной временной последовательностью (перфект).

Ближе к противоположному полюсу окажутся значения, передающие не действие, а состояние и качество, несовместимые с выражением цели:

(7) качественно-характеризующее (качество – *зонтик не складывается*); (8) активно-безобъектное (качество – *собака кусается*); (9)

пассивного обнаружения признака (*белеется*); (10) обще-возвратное (состояние – *обрадовался*); (11) возвратно-инволюнтивное (состояние – *не спится*).

По мере удаления от полюса акциональности парадигматические возможности возвратного глагола сужаются в силу запрета на 1-е лицо в подлежащем, на целеполагание, на перцептивный модус (репродуктивный регистр). Особую подсистему составляют значения обще-возвратное и возвратно-инволюнтивное. Общее между ними – категориальное значение состояния личного субъекта и, как следствие инволюнтивность, запрет на целеполагание; разница – в том, что первые интерпретационно-перфектные предикаты (? *стою и обижаюсь*), вторые – неинтерпретационные, которые являются предикатами 1-го лица. Репродуктивность совместима с последним типом, однако это не внешняя перцептивность (*вижу, как...; слышу, как...*), а изображенное «изнутри» субъекта состояние (соединенное с моментом речи, ср.: *Мне не спится, нет огня; Всюду мрак и сон докучный...* - Пушкин).

Представим результаты исследования акциональности возвратных глаголов в виде таблицы.

	Семантика вытесненного актанта	Присутствие S модуса	S/O в подл.	Субъектная перспектива, Категориальное значение
<i>Умывается</i>	Лицо, тело	-	S	S1=S0=S4 – Действие
<i>Мальчик поднимается</i>	Тело/ предмет	-	S	S1=S0=S4 – Действие
<i>Целуются</i>	Люди/ одуш.	-	S-O	Действие (малая агентивность)
<i>Сосед строится</i>	Социально значимые объекты	-/+	S	Действие интерпретированное
<i>Поранился</i>	Части тела	-/+	S	<i>Он</i> -предикат? Не-действие (неконтролируемость)
<i>Знак лауреата носитя по праздникам</i>	Люди	+	O	<i>Он-, Оно</i> -предикат; Действие ²⁵ (с ограничением парадигмы) S4=/ \neq S1 (эксклюзивность)
<i>Зонтик не раскладывается</i>	Люди	+	O	<i>Он-, Оно</i> -предикат; Качество S4 \rightarrow S1 (инклюзивность)
<i>Собака кусается</i>	Люди	+	S	<i>Он-, Оно</i> -предикат; Качество

²⁵ Страдательное значение подробно рассматривается в главе 4.

				S4→S0 (инклюзивность)
<i>Белеется</i>	–	+	S-O воспр.	<i>Оно</i> -предикат, качество
<i>Обрадовался</i>	Люди/ одуш.	-/+	S	<i>Он</i> -предикат? – состояние
<i>Не спится/ не читается</i>	– / предмет	+	S	S1 = S3(4) – Я-предикат; состояние

8. Совершенный вид возвратного глагола и неконтролируемость.

В связи с семантикой залога активно обсуждаются возвратные глаголы совершенного вида типа *написаться, прочтаться, сшиться*. Исследователей интересует их принадлежность к парадигме акционального глагола, т.е. возможность/ невозможность формы синтетического пассива от глагола соверш. вида. Такие формы многократно фиксировались и продолжают фиксироваться лингвистами в текстах разной стилистической принадлежности, что заставляет вновь и вновь возвращаться к вопросу о статусе этих глагольных словоформ в системе и в нормативной речи.

В таких глаголах соединяется значение «созидающей акциональности», возвратность и сов. в.: *Все в порядке, письмо дошло и прочиталось, текст открылся* (в компьютере); *Пожелайте нам удачи. Очень много песен написалось в этом году; Далее прочелся эпитет к слову Александр; Линуся, стихов новых не создалось*.

Одни исследователи, опираясь на реальные примеры из текстов XIX – XX вв., говорят о том, что такие глаголы нормативны, занимают свое место в системе русского литературного языка (Н.А. Янко-Триницкая, Н.В. Перцов), другие (Ю.Д. Апресян, В.И. Гаврилова) - считают системно возможными только некоторые типы возвратных глаголов совершенного вида. Так, В.И. Гаврилова признает допустимыми глаголы типа *выстираться*, которые выражают процесс, запускаемый человеком, но исполняемый механизмом [Гаврилова 2003: 63]. Ю.Д. Апресян [Апресян 2004: 27], обсуждая проблему центра и периферии, относит к

соответствующим современной литературной норме только синтетический пассив от глаголов со значением покрытия поверхности, заполнения объема (*заасфальтируется, закрасится*) и их антонимов (*уберется, срежется*). При этом парадигма синтетического пассива ограничивается, как правило, формами будущего времени, для которого формулируется особая семантика – «иллокутивная сила обещания или предсказания» [Апресян 2004, 27]. Несмотря на различия во мнениях, все исследователи решают один и тот же вопрос – о парадигматических возможностях глагола в сфере залога.

Проблему нормативности залоговой формы принято решать не выходя за пределы изолированного предложения. Вследствие этого обычно даже очень тонкие семантические различия касаются только объективного положения дел и укладываются в актантную структуру, см., например, разграничение двух типов переходности – иницирующей и исполняющей – у В.И. Гавриловой [Гаврилова 2003, 62-63]; Н.В. Перцов достраивает парадигму глагола за счет возвратных форм совершенного вида, называя их возвратным перфективным пассивом [Перцов 2004].

Есть и другой путь – интерпретация языковых явлений в их контекстуальном окружении в связи с определенной точкой зрения говорящего.

Рассмотрим в связи с категорией акциональности и субъектной перспективой (I) формы прошедшего времени, (II) будущего времени. Такое распределение материала обусловлено семантикой самих форм: в прошедшем времени на первый план выходит отношение между субъектом и объектом, в будущем – между разными субъектными ролями (инициатором и исполнителем).

(I) Рассмотрим текстовый пример:

*Елена и Лариосик вцепились в сложенную автоматическую кровать и долго рвали ее в разные стороны, освобождая посиневшую кисть.... После того как хитрая патентованная кровать **расщелкнулась и разложилась** и стало ясно, что особенного повреждения Николкиной руки нет, Лариосиком*

*вновь овладел приступ приятной и тихой радости по поводу книг. ...Уж давно **разложились** кровать, **застелилась** постель и возле нее стоял стул и на спинке его висело полотенце, а на сиденье ... **утвердилась** в наклонном положении таинственная женская карточка...* (Булгаков, Белая гвардия).

В этом фрагменте два раза встречается глагол *разложились*. В первом случае, соединяясь с глаголом *расщелкнулась*, он прочитывается неакционально (декаузативно, по Е.В. Падучевой); во втором случае, в соединении с глаголами *застелилась* (постель), *утвердилась* (карточка), - степень акциональности его повышается (прочитывается через действующего субъекта): кровать разложили, постель застелили, карточку утвердили (установили). По степени акциональности глаголы в этом фрагменте выстраиваются следующим образом: *расщелкнуться* – *разложиться* - *утвердиться* – *застелиться*. На одном полюсе – глагол *расщелкнуться*, он выражает неожиданный, неподконтрольный результат (глагол моментального события, происшествие в терминологии Т.В. Булыгиной; моментальность выражается не только суффиксом *-ну-*, но и «звуковым» корнем); на другом - *застелиться*, выражает результат целенаправленных действий. Глаголы *разложиться*, *утвердиться* – прочитываются в зависимости от соседних глагольных форм. Глагол *утвердиться*, соединяясь с предметным субъектом, приобретает связь с личным субъектом-исполнителем (т.е. расположение карточки осмысливается через действие некоторого субъекта действия).

Сравним глагол типа *застелиться* и *разложиться* с глаголами типа *разбиться*, *порваться*, *сломаться*. Если нормативность первых подвергается сомнению, то нормативность вторых признается всеми, поскольку их значение интерпретируется как одно из значений словообразовательной категории возвратности, т.е. вне пассива (без участия агенса). Из этого можем сделать вывод, что ненормативными признаются глаголы, которые не осмысливаются вне агенса. Каковы же условия сохранения агенса в семантике возвратного глагола?

Если деструктивные по своей семантике глаголы (*разбиться, сломаться, порваться*) имеют такие временные семы, как моментальность и ретроспективность (эти же семы обнаруживаются и в семантике мотивирующих их переходных глаголов, то глаголы типа *застелиться, написать, прочитаться* – образованы от глаголов целенаправленной, созидающей деятельности (в широком смысле), с семантикой процессуальности, проспективности. Именно их проспективность, процессуальность, созидательность удерживают идею личного каузатора (агенса) в возвратной форме совершенного вида. Эти формы вне контекста не осмысливаются, поэтому их обычно и относят к аномальным примерам (неграмматичным). В ситуации же речи, в определенных контекстных условиях, они оказываются востребованными, как *застелиться* в примере из Булгакова.

Почему возвратные глаголы совершенного вида от акциональных глаголов признаются ненормативными? Потому что их семантика содержит в себе внутреннее противоречие – конфликт между семантикой основы и семантикой словоформы: сема личного субъекта конфликтно взаимодействует с граммемой совершенного вида и возвратностью. Совершенный вид отсылает к новому качеству преддицируемого предметного субъекта, возникшему как результат, оторвавшийся во времени от самого действия, а глагольная основа удерживает идею субъекта действия. Так, *застелить (постель)* – всегда действие личного субъекта; *-ся* сохраняет это значение в несовершенном виде (*постель застилается (горничной) в отсутствие постельца*); совершенный же вид (*постель застелилась*) модифицирует компонент «контроль над действием и результатом»: между действием и результатом связь разрывается. Это противоречие, возникающее при взаимодействии совершенного вида и акциональности основы, может сниматься контекстом, см.: (1) «*Есть у вас стихи?*» - «*Нет, практически нет. Ну, есть несколько стихов, на которые не написались песни*»; (2) «*Просто, похоже, это значение вкладывается в какое-то более общее из*

тех, что мне нужно описать. И мне хочется его куда-то не во «время» (семантический разряд слов) *положить*». - «У нас **не вложилось**. Я все "работать" в иерархии перепробовал, и ни одно не подошло»; (2) Наконец-то (прошла неделя с окончания отпуска) вошла в рабочий ритм. Теперь рутины снова стали рутинами, зоны - зонами, взлетела на маленькую высоту! Раковина и унитаз **начистились** до блеска. Белье **постиралось** и **погладилось**, квартира **почистилась**, продукты **закупились**. В общем ДН сказал: Даже и не думал, что за всем этим следила ТЫ. (а он-то думал, что у него все под контролем).

Есть еще одно различие между деструктивными и созидательными глаголами. Сравним глаголы в примерах *белье отстиралось* – *белье выстиралось* (*постиралось*). Оба они образованы на одном корне, однако приставки накладывают некоторые новые по сравнению с производящей основой *стира(ть)* свойства, что заставляет признать в первом примере перфективное значение – изменившееся качество предметного субъекта качества (=белье стало чистым), во втором – конфликтное акциональное значение, подобное тому, которое мы наблюдали в примере *постель застелилась*, ср. также разницу в значении совершенного вида в предложениях с переходными глаголами: *Хозяйка отстирала* бельё – перфективное (=белье чистое; состояние, возникшее как результат действия); *Хозяйка постирала (выстирала)* бельё – аористивное (=хозяйка теперь не занимается стиркой; действие завершено, личный субъект открыт для следующих действий). Представляется, что эта разница удерживается и в возвратных глаголах со «смысловыми приращениями» в субъектной перспективе (Н.К. Онипенко в: [Золотова и др. 1998: 229-251]), а именно в модусе высказывания.

В случае *постиралось* (*выстиралось*) глагол работает благодаря совершенному виду «в обе стороны» - и в сторону объекта действия – субъекта качества (белье, постель), и в сторону субъекта действия – который, будучи исключен из диктальной части высказывания, сохраняется в

субъектной перспективе, находясь в зоне модуса (как правило, субъект действия является говорящим), и интерпретируется как субъект вновь возникшего состояния: это обладание результатом и свобода от действия (действие больше не продолжается). Таким образом совершенный вид в прошедшем времени «освобождает» личного субъекта от действия (действие завершено), а постфикс разрывает связь личного субъекта с объектом.

Возвратный глагол в совершенном виде с семантикой деструктивной может предикативно соединяться как с носителем признака (*белье отстиралось*), так и с причиной исходного признака (белье грязное) – пятна, грязь, следы (*пятна, грязь, следы отстирались*) – сема уничтожения, деструкции неконфликтно взаимодействует с совершенным видом, ср.: *пятна отстирались - белье отстиралось от пятен – белье постиралось – ?пятна постирались*. В случае моментальных, ретроспективных, деструктивных глаголов взаимодействие возвратности и совершенного вида выражает изменившееся качество предикцируемого субъекта – объекта действия исходного предложения; качество остается в сфере объекта действия – это «нормальное», признанное грамматиками значение возвратных глаголов (предикат качества), ср.: у В.В. Виноградова качественно-пассивно-безобъектное (*стекло не гнется – стекло погнулось; стекло не бьется – стекло разбилось*) [Виноградов 1947], в АГ-80 характеризующе-качественное (*нитки рвутся – нитки порвались*) [Русская грамматика 1980].

Итак, предикаты от переходных глаголов, нацеленных на положительный результат, содержат, скорее, **характеристику субъекта действия (свободу от завершившегося действия и объекта)**, чем новое свойство объекта действия, и эти глаголы как раз или игнорируются грамматиками, или являются «предметом ожесточенных дискуссий» в научной литературе [Апресян 2004: 26].

Ср., с другой стороны, пример из современной разговорной речи из [Ремчукова 2005] *Меня хотели увезти, и я увезлась*, где использован глагол

перемещения. Пример позволяет двойное прочтение: (1) при осмыслении через *Я* говорящего получаем нечто похожее на «предоставительное» значение собственно-возвратности (*Он лечится у хорошего врача*) – с той разницей, что сема личного каузатора не уничтожается возвратностью в *увезлась*, в отличие от *лечится*, где каузатором является субъект в подлежащем; (2) осмысление через внешнего каузатора дает значение «обладания результатом» (= *книга написалась*), однако возникает противоречие между внешней точкой зрения и *Я* в подлежащем (ср. *Я кусаюсь*).

Чуть раньше речь шла о том, что субъект действия исходного предложения с переходным глаголом (*Она постирала (отстирала) белье*) в предложении с возвратным глаголом соединяется с модусной субъектной сферой, а именно сферой *Я* говорящего. Как правило, предложения с такими глаголами произносятся от первого лица (в том смысле, что говорящий свободен от необходимости совершать действие). В подобные предложения подставляется субъектная синтаксема *у+Род.* (*у меня*), а не *Тв. п.:* *У меня торт уже испекся, вот только чего-то еще белье не погладилось, но я ему с утра взбучку устрою, сразу как миленькое по полкам разбежится*²⁶.

Говорящий выступает здесь как исполнитель действия, результат которого представляется ему труднодостижимым, но достигнутым – помимо воли самого действующего субъекта-говорящего, контроль над результатом отсутствует (получилось!).

(II) Рассмотрим предложения с возвратными глаголами («созидающими» в широком смысле) будущего времени в связи с идеей субъектной перспективы, поскольку их интерпретация требует соотнесения субъектных сфер субъекта (субъектов) действия и их агентивных свойств и субъектов модуса.

²⁶ Ср. перфекты на *-но, -то* в диалектах

(1) *Ваши документы **отдадутся** в понедельник. Все **соберется** и **подобьется*** (разговорная речь); (2) *По полю ехали вереницей телеги. Левин сосчитал телеги и остался довольным тем, что **вывезется** все, что нужно, и мысли его перешли при виде лугов на вопрос о покосе* (Л.Н. Толстой); (3) *При этом управляющий извинялся в том, что несколько опоздал высылкой следуемых по расписанию к первому числу трех тысяч рублей. Деньги эти **вышлются** с следующей почтой* (Л.Н. Толстой); (4) *Известие о судьбе этой женщины **вышлетя** мне сюда* (Л.Н. Толстой); (5) *Комедия **перепишется, пошлетя**, в среду будет у вас* (Островский – пример Ю.Д. Апресяна, Перцова, Янко-Триницкая); (6) *Тетушки не видали еще таких и не знали, что у этого Шенбока было двести тысяч долгу, которые – он знал – никогда не **заплатятся**...*(Л.Н. Толстой).

В формах будущего времени удерживается осложненная субъектная перспектива, как и в прош. вр. Однако особенность субъектной перспективы состоит в том, что часто агентивные характеристики распределены между разными конкретными субъектами – субъектами разных рангов: это исполнитель действия и пользователь результатом; Я говорящего соединяется либо с первым, либо со вторым. Исполнитель выполняет действие, но не он его инициирует; пользователь обычно инициирует действие и заинтересован в его результате. Примеры (1, 2, 3, 5, 6) даны с точки зрения исполнителя, который обещает результат; (4) – с точки зрения пользователя. К последним можно отнести и пример с сослагательным (желательным) наклонением из Набокова: *Участок не был огорожен, - на это не хватило средств; Ардалион, по-моему, ждал, чтобы **огородились** оба смежных участка, автоматически узаконив пределы его владений и дав ему даровой частокол ...*

Такое распределение субъектных ролей сравнимо с тем, как это осуществляется в предложениях типа *Он **подстригся** (у мастера); Он **сфотографировался** (у Наппельбаума)*. Здесь также инициатива и обладание результатом – с одной стороны – и исполнение действия – с другой –

распределены между двумя субъектами (исполнитель и пользователь-заказчик). Однако в предложениях с глаголами будущего времени субъектная перспектива сложнее: предизируемый субъект (объект действия) соединяется с акциональным глаголом, при котором сохраняются семантические позиции исполнителя и пользователя, а также есть говорящий, который совпадает либо с исполнителем, либо с пользователем, ср. с «иллокутивной силой обещания или предсказания» [Апресян 2004, 28].

Итак, если в прош. вр. субъектные роли исполнителя действия и пользователя результатом замыкаются в сфере одного Я (действие завершено и результат налицо) – с акцентом на инволютивность достигнутого результата, то в будущем субъектные роли распределены между конкретно-личными субъектами, и акцент делается на выполнимости действия, достижимости результата, будущее время сов. вида как бы приближает результат к пользователю (минуя процесс, разворачивающийся во времени), ср.: *Разумеется, все это останется рабочей канвой, а то, что расскажется, будет нитью случаев из нашего Воронежа, случаев, освещенных некоторым единством (цели!).*

Возникают вопросы: (1) что общего между возвратными глаголами с разной корневой семантикой – корневой семантикой целенаправленной деятельности и семантикой происшествия (*статья написалась – чашка разбилась*); (2) есть ли семантические различия между предложениями с возвратными глаголами совершенного вида и предложениями с возвратными глаголами несовершенного вида?

Общее между возвратными глаголами разной корневой семантики – внутреннее отношение между субъектом речи и действием, т.е. совпадение говорящего (субъекта сознания) и субъекта действия; это можно назвать инклюзивностью говорящего.

Практически все возвратные глаголы способны к передаче такого значения. Здесь задействована как индивидуальная, корневая, семантика глагола, так и универсальная способность постфикса *-ся* «упаковывать»

субъектную сферу, связанную с Я говорящего, который входит в состав потенциальных производителей действия. Ср. глаголы с объектами из внешнего мира: *подбородок хорошо бреется, сумка легко поднимается, нарзан хорошо пьется*. В субъектную сферу входит только конкретный производитель действия – в случае глаголов с порождаемым объектом:

*Сонет не сонетится, сонет на полшага продвинулся вперед; На стуле рядом Оськин «Дант», его прочитываю, **строятся** к нему примечания; Не **учится** или не **совершенствуется** английский?*

Мотивирующие переходные (акциональные) глаголы развивают действие из прошлого в будущее: *читать – текст читается, **прочитался**; писать - доклад пишется, **написался***; в терминологии Т.В. Булыгиной такие предикаты называются процессами, ср. с моментальными: *захлопнуть - дверь **захлопнулась*** и ретроспективными интерпретационными: *найти – ключ **нашелся***, в нормативности совершенного вида которых не сомневаются. Обширный класс глаголов, соединяющих моментальность и ретроспективность – это деструктивные глаголы (*стекло **разбилось**, замок **сломался**, металл **погнулся**, рукав **порвался***).

Наблюдения над примерами показывают, что возвратные глаголы сов.в. буд.вр. были очень распространены в XVIII – первой половине XIX века: *Теперь **дадутся** нам полезные законы, Восстановятся здесь правдивые суды* (В. Майков); *Кто объявит о поднявшем оное, тому **дастся** награждение* (Трутень 1769); *Тогда ко мне придут Музы, И лирой **возгласишься** ты* (Державин); *Другим вельможам я не равен, И самой смертью **предпочтусь*** (Державин); *Портрет для него кн<язя> Смоленского готов и **пошлетя** с первым случаем* (Н.И. Тургенев); *Рубашка твоя также к тебе **пришлетя*** (Н.И. Тургенев); *Уверил прочих сенаторов, что **пришлетя** другая резолюция* (И.Дмитриев); *Аттестат **вышлетя** к тебе на днях* (Грибоедов); *Я стал взирать [его глазами], Мне жизни **дался** бедный клад* (Пушкин); *Наконец придет же время, когда все это **купится** и когда*

шинель будет сделана (Гоголь); *Другие вслед ему, Прекрасной обольщенные мечтою, пожалися* годиною роковою (Кюхельбекер); *Потом узнались все обстоятельства дела* (Герцен) (примеры взяты из [Очерки 1964]). Любопытно, что широко употреблялись глаголы семантики possessивной, обозначающие передачу физического предмета в другие руки (смена possessора), а также распространение этого глагольного семантического типа на сферу отношений человек – судьба (которая дает или забирает). В современном языке отношение «потеря контроля над действием, обладание результатом», передаваемое возвратным глаголом в совершенном виде, передается главным образом глаголами интеллектуально-созидательной семантики, обслуживающими ментальную сферу. Глаголы же со значением «смены possessора» в таком значении обычно не используются; они развили неакциональное значение «обладание невещественным результатом», ср. : *У меня (не) получилось открыть дверь, написать статью; Математика ему (не) дается.*

Своеобразие синтаксического значения возвратного глагола несовершенного вида в таких предложениях в том, что (1) действие обобщено во времени (оно совершается или может совершаться многократно; (2) субъект речи входит в число субъектов действия, но не является единственным субъектом действия (открывается субъектная сфера, обобщенно включающая всех потенциальных производителей действия: я, ты, он, - инклюзивность говорящего). Такое употребление обеспечивает семантику **потенциальности** - как по линии субъекта действия, так и по линии времени (*Вы знаете, музыка пишется и без рояля*). Такие предложения принадлежат информативному регистру речи (связаны с модусом знания), их типовое значение «Субъект (личный или неличный) и его качество», такие предложения легко включают наречные квалификаторы типа *легко, хорошо, плохо* и т.д.

Совершенный вид снимает потенциальность: время закрывается на реальном времени действия с перфективной функцией совершенного вида, а субъектная сфера исполнителя сужается на Я субъекта речи.

При инклюзивности субъекта речи в несовершенном виде возвратная форма имеет значение предиката качества, в совершенном – акциональные свойства глагола разрушаются, распределяясь между субъектами разных рангов.

Это значит, что решение проблемы нормативности/ ненормативности возвратных глаголов совершенного вида соотносится с тремя семантико-грамматическими характеристиками глагола и текста:

- 1) категориальная семантика мотивирующего (переходного) глагола;
- 2) сфера бытия результата действия (сфера объекта или субъекта действия);
- 3) субъектная перспектива (совпадение/ несовпадение исполнителя и инициатора).

Выводы:

1. В работе показано, что категории вида и залога действуют по типу взгляда: категория вида взаимодействует с категорией времени, категория залога – с категорией действия. Возвратность может ослаблять значение действия (комплекс признаков, объединенных под термином акциональность, может выступать в возвратном предикате не полностью, а частично).

2. Взаимодействие категорий залога и действия проявляется в том, как происходит «перенаправление» действия (энергии) – (1) субъектом действия (диктальным субъектом) – модусно-немаркированные значения; (2) действием, а также участников ситуации (субъекта и объект действия) интерпретирует говорящий – модусно-маркированные значения.

3. Значения возвратности, которые «уплотняют» диктальную часть и указывают на взаимодействие субъектных сфер на диктальном участке субъектной перспективы, являются моносубъектными (сферы субъекта и

объекта действия совпали). Они располагают самым широким набором акциональных свойств, самой полной парадигмой, передают в основном значение действия.

4. Маркировка модусом может проявляться в (1) интерпретации объекта действия за счет расширения личной сферы, в (2) присоединении (инклюзивности) *Я* говорящего к сфере субъекта или объекта действия, в (4) эксклюзивности *Я* говорящего из состава субъектов действия, в (5) замыкании действия в одной субъектной сфере при совпадении субъектных сфер субъекта действия и субъекта речи.

5. Модусно-маркированные значения возвратности приводят к ослаблению акциональных свойств и часто к смене категориального значения предиката (от действия к состоянию или качеству), что ведет к ограничению парадигмы по лицу и виду.

6. Разница между традиционно выделяемыми в грамматиках значениями страдательным и качественно-характеризующим состоит в том, что в первом прочитывается эксклюзивное *Я* говорящего, во втором – инклюзивное *Я* говорящего. Качественное значение может иметь потенциальную модальность, страдательное – долженствовательную.

7. Показано сходство качественно-характеризующего (объектного) и активно-безобъектного значений (субъектного): типовое значение предиката – качество, *Я* инклюзивное.

8. Анализируется обобщенно-личное значение субъектной сферы в предложениях с качественно-характеризующими предикатами и возможность ее сужения за счет совершенного вида или включения в предложение субъектной синтаксемы *у+Род*.

9. Устанавливается связь между категориальным значением глагола (созидающий, обрабатывающий, деструктивный, переместительный типы), моделью субъектной перспективы и семантикой предложения и текстового фрагмента.

Литература

АГ-80 - Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.;Л., 1947.

Гаврилова В.И. Характеризующе-качественное значение глагола в русском и английском языках// Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. М., 2006. с. 86 – 109.

Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке// Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. – С. 295-345.

Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. N 3. – С. 8-29.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 4, с. 303-316.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Сибатани М. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999. С. 274 – 289.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

ТФГ - Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука. 1991.